

Тургенев Иван Сергеевич

Собака

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Собака: Рассказ / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77964-7

ISBN 978-5-519-77964-7

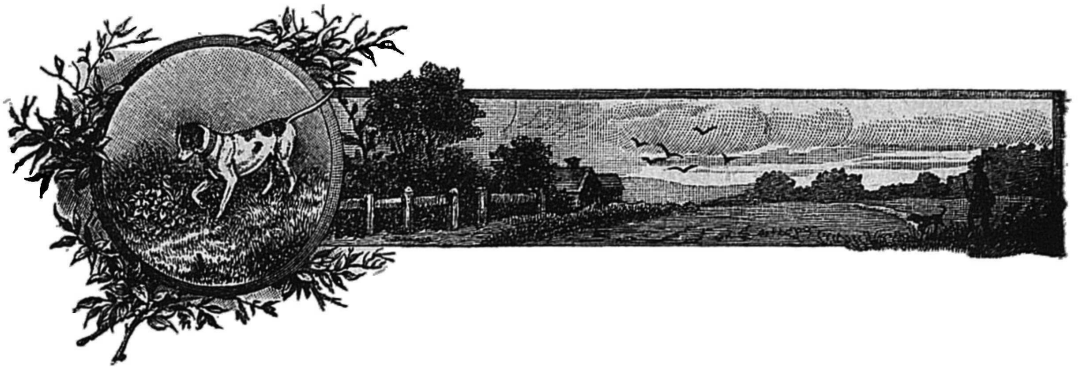
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОБАКА.

Но если допустить возможность сверхъестественнаго, возможность его вмѣшательства въ дѣйствительную жизнь—то позвольте спросить, какую роль, послѣ этого, долженъ играть здравый разсудокъ?—провозгласилъ Антонъ Степанычъ и скрестилъ руки на желудкѣ.

Антонъ Степанычъ состоялъ въ чинѣ статскаго совѣтника, служилъ въ какомъ-то мудреномъ департаментѣ и, говоря съ разстановкой, туго и басомъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Ему, незадолго передъ тѣмъ, по выраженію его завистниковъ „влѣпили станислашку“.

— Это совершенно справедливо, замѣтилъ Скворевичъ.

— Объ этомъ и спорить никто не станетъ, — прибавилъ Кинаревичъ.

— И я согласенъ, — поддакнулъ фистулой изъ угла хозяинъ дома г. Финоплентовъ.

— А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самимъ произошло нѣчто сверхъестественное,— проговорилъ мужчина средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ брюшкомъ и лысиной, безмолвно до тѣхъ поръ сидѣвшій за печкой. Взоры всѣхъ находившихся въ комнатѣ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ обратились на него— и водарилось молчанье.

Этотъ мужчина былъ небогатый калужскій помѣщикъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ. Онъ нѣкогда служилъ въ гусарахъ, проигрался, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Новѣйшія хозяйственныя перемѣны сократили его доходы, и онъ отправился въ столицу поискать удобнаго мѣстечка. Онъ не обладалъ никакими способностями и не имѣлъ никакихъ связей; но онъ крѣпко надѣялся на дружбу одного стариннаго сослуживца, который вдругъ ни съ того, ни съ сего выскочилъ въ люди, и которому онъ однажды помогъ приколотить шулера. Сверхъ того, онъ рассчитывалъ на свое счастье—и оно ему не измѣнило: нѣсколько дней спустя, онъ получилъ мѣсто надзирателя надъ казенными магазинами, мѣсто выгодное, даже почетное и не требовавшее отмѣнныхъ талантовъ: самые магазины существовали только въ предположеніи, и даже не было съ точностью извѣстно, чѣмъ ихъ наполнять, — а придумали ихъ въ видахъ государственной экономіи.

Антонъ Степанычъ первый прервалъ общее оцѣпенѣніе.

— Какъ, милостивый государь мой!—началь онъ:— вы, не шутя, утверждаете, что съ вами произошло нѣчто сверхъестественное—я хочу сказать: нѣчто несообразное съ законами природы?

— Утверждаю, — возразилъ „Милостивый государь мой“, настоящее имя котораго было Порфирій Капитонычъ.

— Несообразное съ законами природы!—повторилъ съ сердцемъ Антонъ Степанычъ, которому видимо понравилась эта фраза.

— Именно... да; вотъ именно такое, какъ вы изволите говорить.

— Это удивительно! Какъ вы полагаете, господа?— Антонъ Степанычъ потщился придать чертамъ своимъ выраженіе ироническое, но ничего не вышло—или, говоря правильнѣе, вышло только то, что вотъ-моль господинъ статскій совѣтникъ дурной запахъ почуялъ.—Не потрудитесь ли вы, милостивый государь, — продолжалъ онъ, обращаясь къ калужскому помѣщику—передать намъ подробности такого любопытнаго событія?

— Отчего же? Можно!—отвѣчалъ помѣщикъ и, развязно пододвинувшись къ серединѣ комнаты, заговорилъ такъ:

— У меня, господа, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно— а можетъ быть и неизвѣстно—небольшое имѣнье въ козельскомъ уѣздѣ. Прежде я извлекалъ изъ него нѣкую пользу—но теперь, разумѣется, ничего, кромѣ неприятностей, предвидѣть нельзя. Однако, по-боку поли-

тику! Ну-съ, въ этомъ самомъ имѣннѣ у меня усадьба „махенькая“: огородъ, какъ водится, прудишко съ карасиками, строенія кой-какія—ну, и флигелекъ для собственнаго грѣшнаго тѣла... Дѣло холостое. Вотъ-съ однажды—годовъ такъ шесть тому назадъ—вернулся я къ себѣ домой довольно поздно: у сосѣда въ картишки перекинулъ — но притомъ, прошу замѣтить, ни въ одномъ, какъ говорится, глазѣ; раздѣлся, легъ, задулъ свѣчку. И представьте вы себѣ, господа: только-что я задулъ свѣчку, завозилось у меня подъ кроватью? Думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: скребеть, возится, чешется... Наконецъ ушами захлопало!

Понятное дѣло: собака. Но откуда собакѣ взяться? Самъ я не держу; развѣ, думаю, забѣжала какая-нибудь „заболтущая?“ Я кликнулъ своего слугу; Филькой онъ у меня прозывается. Вошелъ слуга со свѣчкой. — Что это,—я говорю,—братецъ Филька, какіе у тебя безпорядки? Ко мнѣ собака подъ кровать затесалась.—Какая,—говорить,—собака?—А я почему знаю?—говорю я;—это твое дѣло—барина до безпокойства не допускать. — Нагнулся мой Филька, сталъ свѣчкой подъ кроватью водить.—Да тутъ,—говорить,—никакой собаки нѣту.—Нагнулся и я: точно, нѣтъ собаки.—Что за притча!—Вскинулъ я глазами на Фильку: а онъ улыбается.—Дуракъ,—говорю я ему,—что ты зубы-то скалишь? Собака-то, вѣроятно, какъ ты сталъ отворять дверь, взяла да и шмыгнула въ переднюю. А ты, ротозѣй, ничего не замѣтилъ, потому что ты вѣчно спишь. Ужъ не воображаешь ли

ты, что я пьянъ?—Онъ захотѣлъ-было возражать, но я его прогналъ, свернулся калачикомъ и въ ту ночь уже ничего не слыхалъ.

На слѣдующую ночь—вообразите!—то же самое повторилось. Какъ только я свѣчку задулъ, опять скребетъ, ушами хлопаетъ. Опять я позвалъ Фильку, опять онъ поглядѣлъ подъ кроватью—опять ничего! Услалъ я его, задулъ свѣчку—тѣфу ты чертъ! собака тутъ какъ тутъ. И какъ есть собака: такъ вотъ и слышно, какъ она дышетъ, какъ зубами по шерсти перебираетъ, блохъ ищетъ... Явственно таково!—Филька!—говорю я;—войди-ка сюда безъ свѣчки! Тотъ вошелъ.—Ну, чтò, говорю, слышишь?—Слышу, говорить. Самого-то мнѣ его не видать, но чувствую я, что струхнулъ малый.—Какъ,—говорю,—ты это понимаешь?—А какъ мнѣ это понимать прикажете, Порфирій Капитонычъ?—Навожденіе! — Ты, я говорю, безпутный человѣкъ, молчи съ навожденіемъ-то съ своимъ... А у обоихъ-то у насъ голоса словно птичьи, и дрожимъ-то мы какъ въ лихорадкѣ — въ темнотѣ-то. Зажегъ я свѣчку: ни собаки нѣтъ, ни шума никакого — а только оба мы съ Филькой—бѣлые какъ глина. Такъ свѣчка у меня до утра и горѣла. И доложу я вамъ, господа — вѣрьте вы мнѣ или нѣтъ—а только съ самой той ночи, въ теченіе шести недѣль, та же исторія со мной повторялась. Подъ-конецъ я даже привыкъ и свѣчку гасить сталъ, потому мнѣ при свѣтѣ не спится. Пусть, молъ, возится! Вѣдь зла она мнѣ не дѣлаетъ.

— Однако—я вижу—вы нетрусливаго десятка,—съ полупрезрительнымъ, полуснисходительнымъ смѣхомъ перебилъ Антонъ Степанычъ.—Сейчасъ видно гусара!

— Васъ-то я бы ни въ какомъ случаѣ не испугался,—промолвилъ Порфирій Капитонычъ, и на мгновенье дѣйствительно посмотрѣлъ гусаромъ.—Но слушайте далѣе.

Пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ сосѣдъ, тотъ самый, съ которымъ я въ картишки перекидывалъ. Пообѣдалъ онъ у меня, чѣмъ Богъ послалъ, спустилъ мнѣ рубликовъ пятьдесятъ за визитъ; ночь на дворѣ — убираться пора. А у меня свои соображенія:—останься говорю, ночевать у меня, Василій Васильичъ; завтра отыграешься, дастъ Богъ. Подумалъ, подумалъ мой Василій Васильичъ, — остался. Я ему кровать у себя же въ спальнѣ поставитъ приказалъ... Ну-съ, легли мы, покурили, покалякали — все больше о женскомъ полѣ, какъ оно и приличествуетъ въ холостой компаніи, посмѣялись, разумѣется; смотрю: погасилъ Василій Васильичъ свою свѣчку и спиной ко мнѣ повернулся; значить: „шлафензиволь“. Я подождаль маленько и тоже погасилъ свѣчку. И представьте: не успѣлъ я подумать, чтò, молъ, теперь какой карамболь произойдетъ? какъ уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: изъ-подъ кровати вылѣзла, черезъ комнату пошла, когтями по полу стучить, ушами мотаетъ, да вдругъ какъ толкнетъ самый стулъ, что возлѣ Василія-Васильевичевой кровати! — Порфирій Капитонычъ,—говоритъ тотъ, и такимъ, знаете, равнодушнымъ голосомъ, — а я и не зналъ, чтò ты собаку пріобрѣлъ.

Какая она, лягавая, что ли? — У меня, говорю, собаки никакой нѣтъ и не бывало никогда! — Какъ нѣтъ? а это чтò? — Чтò *это*? — говорю я; — а вотъ зажги свѣчку, такъ самъ узнаешь. — Это не собака? — Нѣтъ. — Повернулся Василій Васильичъ на постели. — Да ты шутишь, чортъ? — Нѣтъ, не шучу. — Слышу я: онъ чѣркъ, чѣркъ спичкой, а та-то, та-то все не унимается, бокъ себѣ чешетъ. Загорѣлся огонекъ... и баста! Слѣдъ простылъ! Глядитъ на меня Василій Васильичъ — и я на него гляжу. — Это, говоритъ, — что за фокусъ? — А это, — говорю я, — такой фокусъ, что посади ты съ одной стороны самого Сократа, а съ другой Фридриха Великаго, такъ и тѣ ничего не разберутъ. — И тутъ же я ему все въ подробности рассказалъ. Какъ вскочить мой Василій Васильичъ! Словно обожженный! Въ сапоги-то никакъ не попадетъ. — Лошадей! — кричить, — лошадей! Сталъ я его уговаривать, такъ куда! Такъ и взмахался. — Не останусь, кричить, ни минуты! — Ты значить, послѣ этого, оглашенный чело-вѣкъ! — Лошадей!... Однако, я его уломалъ. Только кровать его перетасили въ другую комнату — и ночники вездѣ запалили. Поутру, за чаемъ, онъ остепенился; сталъ совѣты мнѣ давать. — Ты бы, — говоритъ, — Порфирій Капитонычъ, попробовалъ на нѣсколько дней изъ дому отлучиться: можетъ, эта пакость отъ тебя бы отстала. — А надо вамъ сказать: чело-вѣкъ онъ — сосѣдъ мой — былъ ума обширнаго! Тещу свою, между прочимъ, такъ обработалъ чудесно: вексель ей подсунулъ; значить, выбралъ же самый чувствительный часъ! Шолковая стала; довѣренность

дала на управленіе всѣмъ имѣніемъ—чего больше? А вѣдь это какое дѣло—тещу-то скрутить—а? Сами изволите посудить. Однако, уѣхалъ онъ отъ меня въ нѣкоторомъ неудовольствіи: я-таки его опять рубликовъ на сотню наказалъ. Даже ругалъ меня; говорилъ, что ты-де неблагодаренъ, не чувствуешь: а я чѣмъ же тутъ виноватъ? Ну, это само собою — а совѣтъ я его къ свѣдѣнію принялъ: въ тотъ же день укатилъ въ городъ, да и поселился на постояломъ дворѣ у знакомаго старичка изъ раскольниковъ. Почтенный былъ старичокъ, хотя и суровъ маленько, по причинѣ одиночества: вся семья у него перемерла. Только ужъ очень табаку не жаловалъ и къ собакамъ чувствовалъ омерзенье великое; кажется, чѣмъ, напри- мѣръ, ему собаку въ комнату впустить согласиться—скорѣй бы самъ себя пополамъ перервалъ! Потому, говорить, какъ же возможно! Тутъ у меня въ свѣтлицѣ на стѣнѣ сама Владычица пребывать изволить, и тутъ же песь поганный рыло свое нечестивое уставить. Извѣстно—необразованіе! А впрочемъ, я такого мнѣнія: кому какая премудрость далась, тотъ той и придерживайся!

— Да вы, я вижу, великій филозѳъ, — вторично и съ тою же усмѣшкой перебилъ Антонъ Степанычъ.

Порфирій Капитонычъ на этотъ разъ даже нахмурился.

— Какой я филозѳъ—это еще неизвѣстно,—промолвилъ онъ съ угрюмымъ подергиваніемъ усовъ:—но васъ бы я охотно взялъ въ науку.

Мы всѣ такъ и впились въ Антона Степаныча; всякій изъ насъ ожидалъ горделиваго отвѣта или хотя молніе-

носнаго взгляда... Но господинъ статскій совѣтникъ перевелъ свою усмѣшку изъ презрительной въ равнодушную, потомъ зѣвнулъ, поболталъ ножкой—и только!

— Вотъ, у этого-то старичка я и поселился, — продолжалъ Порфирій Капитонычъ. — Комнатку онъ мнѣ отвелъ, по знакомству, не изъ лучшихъ; самъ онъ помѣщался тутъ же за перегородкой—а мнѣ только этого и нужно. Однако принялъ я въ тѣ поры муки! Комнатка небольшая, жара этта, духота, мухи, да какія-то клейкія; въ углу кіотище необыкновенный, съ древнѣйшими образами; ризы на нихъ тусклыя да дутыя; масломъ такъ и разить, да еще какою-то спеціей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а изъ подъ нея тараканъ бѣжитъ... я ужъ со скуки чаю до невѣроятности напился—проста бѣда! Легъ я, спать нѣтъ возможности—а за перегородкой хозяинъ вздыхаетъ, кряхтитъ, молитвы читаетъ. Ну, однако, уgomонился наконецъ. Слышу: похрапывать сталъ—да такъ полегоньку, по старомодному вѣжливенько. Свѣчку-то я давно загасилъ—только лампадка передъ образами горитъ... Помѣха, значить! Вотъ, я возьми да встань тихохонько, на босу ногу: подмостился къ лампадкѣ да и дунулъ на нее... Ничего.—Эге! думаю: знать у чужихъ-то не беретъ... Да только-что опустился на постель—опять пошла тревога! И скребетъ, и чешетъ, и ушами хлопаетъ... ну, какъ быть слѣдуетъ. Хорошо. Я лежу, жду чтò будетъ? слышу: просыпается старикъ. Баринъ,—говоритъ,—а баринъ?—Что молъ?—Это ты лампадку погасилъ?—Да отвѣта моего не дождавшись, какъ

залопочетъ вдругъ: — что это? что это? собака! собака! Ахъ, ты никоніанецъ окаянный! — Погоди, — говорю, — старикъ, браниться — а ты лучше приди-ка самъ сюда. Тутъ, — я говорю, — дѣла совершаются удивленія достойныя. — Повозился старикъ за перегородкой и вошелъ ко мнѣ со свѣчкой, тоненькой-претоненькой, изъ жолтаго воску; и удивился же я, на него гляючи! Самъ весь шершавый, уши мохнатые, глаза злобные, какъ у хорька, на головѣ шапонька бѣлая войлочная, борода по-поясъ, тоже бѣлая, и жилетъ съ мѣдными пуговицами на рубашѣ, а на ногахъ мѣховые сапоги — и пахнетъ отъ него можжевельникомъ. Подошелъ онъ въ этакое видѣ къ образамъ, перекрестился три раза крестомъ двуперстнымъ, лампадку засвѣтилъ, опять перекрестился — и, обернувшись ко мнѣ, только хрюкнулъ: объясняй-моль! И тутъ я ему, нимало не медля, все обстоятельно сообщилъ. Выслушалъ всѣ мои объясненія старина, и хоть бы словечко проронилъ, только, знай, головой потряхиваетъ. Присѣлъ онъ потомъ этта ко мнѣ на кроватку — и все молчить. Чешетъ себѣ грудь, затылокъ и прочее — и молчить. — Что-жъ, — говорю я, — Оедулъ Иванычъ, какъ ты полагаешь: навожденіе это какое, что-ли? — Старикъ посмотрѣлъ на меня. — Что выдумалъ! навожденіе! Добро бы у тебя, табашника, — а то здѣсь! Ты только то сообрази: что тутъ святости! Навожденія захотѣлъ! — А коли это не навожденіе — такъ что же? — Старикъ опять помолчалъ, опять почесался и говоритъ наконецъ — да глухо такъ, потому усы въ ротъ лѣзутъ: — Ступай ты въ градъ Бѣлевъ. Окромя одного